

В. В. ВИНОГРАДОВ

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

(На материале русского языка)

1

В синтаксис, кроме учения о предложении, кроме правил составления предложений или соединения слов в предложение, входит описание способов сочетания слов, описание видов словосочетаний.

Изучая правила сочетаемости слов и форм слов, синтаксис, естественно, прежде всего обращается к тем грамматическим единствам, которые, возникая из сочетания слов по законам или правилам данного языка, выражают в составе предложения единые, хотя и расчлененные значения. Такого рода грамматические единства, называемые словосочетаниями, состоят не менее чем из двух полнозначных слов и являются строительным материалом для предложения. Только в составе предложения и через предложение словосочетания входят в систему коммуникативных средств языка. Рассматриваемые вне предложения, как строительный материал для него, словосочетания так же, как и слова, относятся к области номинативных средств языка, средств обозначения предметов, явлений, процессов и т. п.

Вопросы о грамматической сущности словосочетания, об объеме словосочетания, о его форме и значении, о его отношении к предложению и слову в разных языках еще остаются мало изученными. Кроме того, в определении словосочетания и в понимании его отношения к предложению нет полного согласия и единства между разными грамматистами.

Одни языковеды, опираясь на буквальный этимологический смысл термина «словосочетание», относят к словосочетаниям все виды грамматического сочетания полнозначных слов — независимо от различий их структуры, их функций в процессе общения и их отношения к разным формам мышления. Именно на такой точке зрения стояли некоторые представители нашего отечественного языкознания: А. В. Добиаш, Ф. Ф. Фортунатов, А. М. Пешковский, М. Н. Петерсон и др.

Так, Ф. Ф. Фортунатов, считая предложение лишь разновидностью словосочетаний, определял словосочетание следующим образом: «Словосочетанием в речи я называю то целое по значению, которое образуется сочетанием одного полного слова (не частицы) с другим полным словом, будет ли это выражение целого психологического суждения или выражение его части»¹. С этой точки зрения все сочетания слов, включая сюда

¹ Ф. Ф. Фортунатов, О преподавании грамматики русского языка в средней школе, в кн. «Труды Первого съезда преподавателей русского языка в военно-учебных заведениях (22—31 декабря 1903 г.)», СПб., 1904, стр. 393.

и те, которые соответствуют предложениям, рассматривались в одной плоскости. Структурное различие между словосочетанием и предложением как разными синтаксическими категориями стиралось: предложение выступало лишь как форма или разновидность словосочетания, как «законченное словосочетание». Больше того: при таком широком понимании словосочетания границы его могут далеко выходить за пределы простого предложения; сочетание словосочетаний или сложное словосочетание становится синонимом сложного предложения. Изучение структуры предложений в таких случаях или вовсе отсутствует, или сводится к простому подведению слов и словосочетаний под традиционные рубрики членов предложения.

Напротив, у тех языковедов, для которых в центре синтаксиса находилась теория предложения и его членов (например, у Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни, Д. Н. Овсяннико-Куликовского, А. А. Шахматова и др.), изучение словосочетаний отходило на задний план и даже нередко совсем исчезало из синтаксиса.

Между тем словосочетание и предложение — качественно различные синтаксические категории. В отличие от предложения, словосочетание совсем не является цельной единицей языкового общения и сообщения. Для структуры словосочетания не характерны и не типичны те своеобразные так называемые «субъективно-объективные» синтаксические категории (вроде категорий лица, времени и модальности), которые обуславливают относительную законченность сообщаемой мысли в речи. Вместе с тем важность изучения словосочетаний как строительного материала для предложения несомненна. В правилах сочетания слов, в закономерностях образования разных видов и типов словосочетаний ярко проявляется национальная специфика языка.

Словосочетание организуется около одного знаменательного слова, являющегося стержнем словосочетания; это обнаруживается как в формальной, так и в смысловой его стороне². Конструктивные свойства словосочетания чаще всего определяются морфологическим строем его господствующего, стержневого слова. Словосочетанию так же, как и слову, принадлежит способность формоизменения, т. е. обладание системой форм. В связи с этим находится многообразие синтаксических функций одного и того же словосочетания, если его господствующее, стержневое слово является изменяемым. Например: *сторонник мира, сторонника мира, стороннику мира* и т. д.

Естественно, что в систему форм глагольных словосочетаний — *изучать философию, заниматься пением, сочувствовать товарищу* и т. п. входят и их предикативные формы: *изучаю философию, занимаюсь пением* и т. п. Но эти формы представляют собой лишь потенциальный материал для составления предложения, так как словосочетание само по себе не имеет интонации сообщения и ему чужды соотносительные категории подлежащего, сказуемого и других членов предложения. Проблема предикативных соединений слов относится не к теории словосочетания, а к учению о предложении. Впрочем в большей части современных грамматических исследований синтаксические категории, свойственные словосочетанию и предложению, смешиваются самым беззащитным образом. Поэтому и объем категории словосочетания, и состав разных видов словосочетаний, т. е. синтаксические границы словосочетания, и их классификация, их деление на виды или типы остаются во многом неопределенными.

² Ср. Z. Klemensiewicz, *Scupienia czyli syntaktyczne grupy wyrazowe*, Kraków, 1948, стр. 1.

Если признать, что отправной базой изучения словосочетаний является анализ двусловных (не считая служебных слов) сочетаний, образующих грамматическое единство, способное выражать цельное значение и служить обозначением, то сразу станет ясным, что сюда не могут быть отнесены такие, например, вырванные из предложения словесные отрезки: *они, пьяные, потные...* («Все *они, пьяные, потные*, с мутными глазами, напруживаясь и широко разевая рты, пели какую-то песню». Л. Толстой, *Война и мир*); *трезвый, он...* («Но однажды, *трезвый, он* прочитал мне только что написанный им рассказ о мужике». Горький, *Сторож*); *обессиленный, онемев, я* чувствовал, что страшная тяжесть давит меня». М. Горький, *Сторож*); *жизнь теплая* — в отличие от словосочетания *теплая жизнь* («Т е т е р е в. А мерзавцы просто наследуют имущество покойного и продолжают *жизнь теплую*, жизнь сытую, жизнь удобную». Горький, *Мещане*) и т. п.

Такого рода отношения слов, наблюдаемые в составе предложения, возникают на основе словосочетаний, но представляют собою своеобразные видоизменения их, обусловленные отношениями членов предложения, наличием элементов интонационного членения и т. п. В сочетаниях слов этого типа исследователи обычно находят утверждение, хотя и неполное, выражаемое инверсией (перестановкой) прилагательного, интонационным его обособлением. Синтаксические отношения, связанные с выражением утверждения или отрицания, с направленным на окружающую действительность сообщением, называются предикативными — в широком смысле этого слова. Они типичны для предложения. Отношения предикативные осуществляются лишь в составе предложения и возможны только между членами предложения; следовательно, эти отношения не могут рассматриваться в синтаксическом учении о словосочетании и разных его типах. Вот почему широко распространенное деление словосочетаний на два главных разряда — непредикативные и предикативные — лишено внутреннего основания: оно возникло вследствие смешения вопросов изучения словосочетания и структуры предложения³.

Механический перенос предложения в круг словосочетаний связан с ликвидацией в предложении самых существенных его признаков: со стороны значения — функции единицы сообщения и средства общения, со стороны формы — интонации предложения. Когда предложение рассматривается как словосочетание или соединение словосочетаний, тогда от него обычно отнимается интонация. Между тем интонация — органический элемент структуры предложения. Любопытна в этой связи данная А. А. Шахматовым характеристика отличий словосочетания от предложения: «Со стороны формы, словесного облика, предложение отличается от соответствующего ему, состоящего из тех же слов незаконченного словосочетания интонацией; со стороны значения предложение отличается от незаконченного словосочетания соответствием законченной единице мышления...»⁴

Из сказанного ясно, что так называемые «предикативные словосочетания» не относятся к синтаксическому учению о формах и типах словосочетаний. Этот же вывод с несомненностью вытекает и из анализа структурных качеств словосочетаний. Словосочетание хотя и резко отличается по своей структуре от отдельного, даже сложного слова, представляющего

³ См., например: В. П. Сухотин, Проблема словосочетания в современном русском языке, сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», под ред. В. В. Виноградова, М., 1950, стр. 176—177.

⁴ А. А. Шахматов, Синтаксис русского языка, 2-е изд., Л., Учпедгиз, 1941, стр. 274.

собою не делимое на самостоятельные синтаксические элементы морфологическое целое, все же, подобно слову, может иметь систему форм; предикативное же сочетание слов спаяно в единство категориями лица, времени и наклонения и, будучи единицей сообщения, не является именованием.

Словосочетание обычно образуется на основе слова, принадлежащего к той или иной части речи, в соответствии с правилами сочетаемости этого слова с другими словами. Учение о словосочетании и его видах или типах в русском языке еще со времен «Российской грамматики» М. В. Ломоносова было тесно связано с учением о частях речи. Отсюда возникла и группировка словосочетаний по стержневому, грамматически господствующему, главному слову, в зависимости от которого находятся другие слова в составе того или иного словосочетания. Различают словосочетания именные (субстантивные и адъективные), глагольные и наречные (или адвербиальные). Это различие очень важно. Есть синтаксические связи, типичные для отдельных частей речи (например, для глагола — сочетания с винительным прямым объектом, для существительных — с родительным определительным, с родительным субъектом, а также с согласуемым прилагательным). Таким образом, правила образования словосочетаний прежде всего вытекают из морфологических свойств разных частей речи с присущим каждой из них кругом форм и категорий.

Но, наряду с этим делением словосочетаний, его пересекая и осложняя, идет (со стороны главного, господствующего слова) деление словосочетаний по семантическим классам и словообразовательным гнездам, объединяющим в своем составе слова разных частей речи — иногда по общности основы и по связи словообразовательных отношений, иногда по общему семантическому качеству; например: *согласиться с кем-чем* — *согласие с кем-чем* — *согласный с кем-чем*, *согласно с чем* (но ср.: *согласно чему* и — в канцелярском стиле — *согласно чего*); ср. также: *доверять кому-чему*, *доверие к кому-чему*, *доверчиво к кому-чему* (*относиться*); *покориться судьбе*, *покорный судьбе*, *покорность судьбе* и т. п. Вместе с тем, на основе взаимодействия разных типов словосочетаний, в связи с развитием так называемых слабоуправляемых предложных связей, широко распространяются, охватывая разные части речи и разнообразные семантические разряды слов, словосочетания со вторым обстоятельственным или обстоятельством-определяющим членом, например: *остановиться у реки*, *дом у реки*, *высокий у реки холм*; *устать от хлопот*, *усталый от хлопот*, *усталость от хлопот* и т. д.

Разные типы словосочетаний, обладая системой форм, присущей грамматически господствующему слову словосочетания, могут выполнять в строе предложения очень разнообразные функции. Так, именное словосочетание *первый снег*, состоящее из имени существительного *снег* в качестве грамматически господствующего, стержневого слова и из согласованного с ним порядкового числительного, в разных своих формах (*первого снега*, *первому снегу*, *первым снегом*, *о первом снеге*) может играть разную роль в составе предложения и по-разному входить в состав сложных словосочетаний (например: *рассказ о первом снеге*, *близина первого снега*, *лыжный пробег по первому снегу* и т. п.).

Морфологические категории имеют разную степень внутреннего единства; слова, относящиеся к разным морфологическим категориям, обладают разным по численности и по многообразию функций составом форм. Вот почему и правила сочетания слов — в зависимости от их морфологической природы — очень разнообразны. Для примера возьмем простейший случай — синтаксическое употребление слов, относящихся к именам прилагательным. Обозначая качество, признак предмета, имена прилагательные в русском языке, как правило, всегда сочетаются с именами суще-

ствительными и облакаются в соответствующие определяемым ими словам формы рода, числа и падежа. При этом по законам русского языка прилагательное в словосочетании всегда ставится впереди определяемого им существительного, например: *осенняя пора, голубое небо, свежий ветер*. У М. Исаковского (в стихотворении «Новый Свет») — об Америке:

Лежит на ней *бесславных дел* позор,
В ней все живое — ныне под запретом...
Так по какому ж праву до сих пор
Она еще зовется *Новым Светом*?

Функция согласуемого определяющего слова к имени существительному, в основном, определяет роль имени прилагательного в составе словосочетания. Однако имя прилагательное, образуя замкнутое по смыслу словосочетание с тем существительным, с которым оно согласуется, в некоторых своих семантических разрядах может распространяться и зависимыми от него формами косвенных падежей имен существительных без предлога или с предлогами; например: *твердый в решениях, опытный в садоводстве, коричневый от загара, слепой от рождения, строгий к себе, чувствительный к переменам погоды* и т. д. Как уже сказано, эти синтаксические свойства, хотя они все больше и больше развиваются в именах прилагательных, характеризуют не всю эту категорию слов в целом, а лишь отдельные, правда, многочисленные и все растущие семантические группы в ее пределах. Типической и основной синтаксической функцией всякого имени прилагательного, кроме способности сочетаться с наречными определениями или характеристиками количества, степени и эмоциональной оценки (*очень хороший, весьма старательный, ужасно добрый, замечательно правдивый* и т. п.), остается функция согласуемого определяющего слова к имени существительному. Синтаксические отношения, связанные с этой функцией, в научной лингвистической литературе обычно называют отношениями атрибутивными, или определительными.

Но в строе предложения эта основная синтаксическая функция имени прилагательного может быть осложнена и видоизменена. Здесь связь признака и предмета, лица может представляться не как непосредственно данная в акте обозначения (*мужественный борец за свободу, милая невеста, дорогая жена*), а как устанавливаемая, приписываемая предмету, лицу.

На этой почве связь прилагательного с существительным видоизменяется и развиваются своеобразные отношения прилагательного с глаголом-сказуемым; синтаксические связи такого прилагательного становятся двойственными, двусторонними. Например: «Она сидела, как каменная, вся *иселтая, бледная, с сжатыми губами*» (Тургенев, *Дворянское гнездо*); «Снегирь, отбившийся от стаи, сидит на ольхе, *красный, важный*, как генерал» (Горький, *В людях*); «За кормой шелково струится, тихо плещет вода, *смолистогустая, безбрежная*» (Горький, *Мои университеты*); «Никита Зотов стоял перед ней истоиво и прямо, как в церкви, — *расчесанный, чистый*, в мягких сапожках» (А. Толстой, *Петр Первый*).

Кроме того, широкие стилистические возможности перемещения, открывающиеся для имени прилагательного в структуре распространенного предложения, и способность вступать в ряды однородных, т. е. выполняющих одну и ту же определительную функцию, слов и словосочетаний способствуют отделению, обособлению форм имени прилагательного от определяемых ими существительных внутри предложения. Тем самым

в составе предложений существенно преобразуются приемы употребления прилагательных, типичные и закономерные для словосочетаний⁵.

Вместе с тем необходимо заметить, что между определительными (или атрибутивными) отношениями и отношениями предикативными наблюдается самое тесное взаимодействие: они взаимообратимы. Например: *белый потолок, сладкий сахар, черные сапоги*; ср.: «Лебедев. На этом свете все просто. *Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий*» (Чехов, Иванов).

Особенно разнообразны и многочисленны типы словосочетаний, состоящих из имени существительного или глагола в качестве грамматически господствующего, стержневого слова и из зависимой предложной и беспредложной формы другого существительного (например: *чашка чаю, чайник с отбитым носиком, конверт без марки, мысль о погибшем друге, борьба за мир во всем мире; возделывать землю, освободиться от забот* и т. п.). Глагольные словосочетания отличаются от субстантивных разнообразием связей с наречиями и наречными образованиями (например: *говорить шопотом, идти шагом, опрометью броситься навстречу, читать про себя, выговорить вслух, стать на вытяжку, глядеть исподлобья* и т. п.).

В кругу субстантивных словосочетаний наблюдаются существенные различия в характере связей между теми словосочетаниями, в которых грамматически господствующим словом является отглагольное существительное (например: *злоупотребление властью, вмешательство в чужие дела* и т. п.) или семантически соотносительное с глаголом (например: *ход конем, пешкой*), и между словосочетаниями с господствующим словом конкретно-предметного значения (например: *стул без спинки, сарай с железной крышей* и т. п.).

Таким образом, на основе сочетания принадлежащих к разным частям речи слов с зависимыми от них словами и на основе обобщения этих связей у семантически однородных групп слов формируются разные типы словосочетаний.

2

При изучении словосочетаний бросается в глаза тот факт, что способность слова сочетаться с другими словами и формы проявления этой способности зависят не только от принадлежности слова к той или другой части речи, но и от его лексического значения.

Чрезвычайно важным фактором обобщения или унификации синтаксических связей слов, относящихся к разным частям речи, является принадлежность этих слов к одному и тому же лексическому, словообразовательному гнезду или к однородной семантической группе. Слова, составляющие в силу общности основы, в силу своих живых и тесных словообразовательных связей одно и то же лексическое гнездо, очень часто характеризуются одноклассными синтаксическими связями (за исключением таких случаев, как, например, переходные глаголы с винительным прямым объектом, управление которых, по законам грамматики русского языка, не может перейти к производным отглагольным существительным и прилагательным). Во взаимодействии разных видов словосочетаний играет огромную роль единство или, лучше, обобщение синтаксических связей, присущих как основному, так и производным от него словам, например: *дружить с товарищем — дружный с товарищем, дружба с товарищем* (ср. разные оттенки значений словосочетаний: *друг товарища, верный*

⁵ Любопытно, что определительные отношения имен прилагательных к личным местоимениям могут устанавливаться только в составе предложения.

друг товарищу и большой друг с товарищем); *простой в обращении, простота в обращении; торговать хлебом, торговля хлебом, торговец хлебом; бороться за мир, борьба за мир, борец за мир; страх за кого-нибудь, что-нибудь — страшно за кого-нибудь, что-нибудь — страшиться за кого-нибудь, что-нибудь; чувствительный в чем-нибудь и к кому-нибудь — чувствительность в чем-нибудь и к кому-нибудь, чему-нибудь; твердый, смелый в решениях, твердость, смелость в решениях и т. п.* Тут открываются новые линии связи законов словообразования с законами и правилами грамматики.

В той мере, в какой производные слова сохраняют те же синтаксические свойства сочетаемости с другими словами, что и слова производящие, законы словопроизводства и правила соотношения основ оказываются тесно связанными с правилами образования словосочетаний. Следовательно, правила образования разных типов словосочетаний отчасти опираются на законы общности или соответствия синтаксических связей у словообразовательно однородных цепей слов. Эти качества словосочетаний и эти взаимодействия разных видов словосочетаний еще ярче и нагляднее подтверждают мысль о необходимости выводить предикативные сочетания слов за пределы теории словосочетаний.

Вместе с тем известно, что одно и то же слово в разных значениях может вступать в различные связи с другими словами или даже вовсе утрачивать способность сочетаться с зависимыми от него словами, например: *он курит и курить крепкие сигары; сдать три предмета и предметы искусства; почувствовать во рту горечь и горечь разлуки; полное ведро лесной малины и полный энергии, сил; солнце пекло и женщина пекла хлеба; печенье хлеба и сладкое печенье; семейный очаг и очаг войны, очаг заразы и т. д.* Поэтому иногда выдвигается деление слов на слова абсолютные и относительные по признаку их сочетаемости с другими словами, по способности быть распространенными другими словами и «управлять» ими (например, у акад. Л. В. Щербы, у чешского синтаксиста В. Шмилауера)⁶. Вернее было бы говорить об абсолютных и относительных значениях слов: некоторые слова для полноты смысла обязательно требуют распространения (например: *купить, хотеть, стремиться, направиться, передача* и т. д.); другие и без такого распространения образуют целостное обозначение действия, предмета и т. п. (например: *рассвет, крошиться, устать, заснуть* и т. д.).

Вопрос о закономерностях сочетаемости одного слова с другими в зависимости от его значений, о связи разных значений слова с разными способами его сочетаний, с разными формами его синтаксического распространения другими словами имеет большое значение для синтаксиса словосочетаний. К сожалению, в толковых словарях русского языка, а также в общей теории русской лексикографии нет строго разработанной системы описания синтаксических качеств слова, обусловленных его многозначностью.

Впрочем, несмотря на всю свою важность, семантические наблюдения над связью значений слова с его синтаксическим употреблением, с формами и характером его синтаксического распространения, его синтаксической сочетаемости служат лишь одним из средств исчерпывающего описания и изучения способов образования словосочетаний и принципов разграничения их разных видов. Только на широкой базе — грамматической, словообразовательной и семантической — могут быть определены общие грамматические правила образования словосочетаний и установлены их основные, исторически сложившиеся в языке типы.

⁶ См. V. Š m i l a u e r, *Novočeská skladba*, Praha, 1947.

3

Следует различать словосочетания простые и сложные. Простые словосочетания обычно двусловны: они состоят из двух знаменательных слов, например: *простые люди, знаменосец мира, решить задачу, усердно заниматься, движение вперед* и т. п.⁷ К простым словосочетаниям семантически примыкают те трехсловные словосочетания, в которых определительная часть представляет собой семантически неделимое словосочетание с целостным смысловым содержанием. Это бывает в тех случаях, когда одно из определительных слов является обозначением слишком общего критерия классификации, разграничения и характеристики и поэтому не может быть вполне конкретным определением, а также когда определительный член относится к числу фразеологических единств или грамматических идиоматизмов. Например: *мужчина средних лет, девушка скромного поведения, мальчик семилетнего возраста, актер с развинченной походкой, дом в три этажа, дочь семи лет, праздник Первого мая, событие двадцатилетней давности* и т. п. Вообще словосочетания, состоящие из существительного и зависимой от него формы родительного падежа другого существительного со значением возраста, веса, количества, отвлеченного свойства, обычно включают в себя для полноты смысла имя прилагательное, определяющее степень возраста, веса, количества, качества, отвлеченной принадлежности (например: *человек острого ума, большого таланта, сильного характера; двигатель огромной мощности, ящик среднего размера* и т. п.).

Характерным признаком словосочетаний этого рода является то, что они образуются посредством определительного распространения стержневого слова, а не словосочетания и что зависимый член их может служить полноценным определением только как целое словосочетание (ср. смысловую неполноту, а потому и невозможность образования сочетаний «человек характера», «двигатель мощности», «ящик размера» и т. п.).

Однако необходимо иметь в виду, что даже трехсловные словосочетания типа *человек твердого характера* близки к простым только с семантической точки зрения; в синтаксическом же отношении они, в сущности, ничем не отличаются от сложных словосочетаний (ср.: *старик с бородой, старик с седой бородой и старик с живыми глазами* — при смысловой недостаточности сочетания «старик с глазами»). В этом убеждают и наблюдения над другими способами синтаксического осложнения устойчивых фразеологических единиц, например: *иметь желание — иметь страстное желание; вести борьбу — вести ожесточенную борьбу; подавать надежды — подавать большие надежды; носить впечатление чего-нибудь — носить резкий впечатление чего-нибудь* и т. д.

Таким образом, с чисто грамматической точки зрения простыми словосочетаниями должны быть признаны синтаксически организованные и семантически цельные сочетания двух знаменательных слов, выражающие единое сложное значение и способные быть обозначением предмета, действия, качества и т. п. Не переставая быть номинативным единством

⁷ Словосочетания нельзя смешивать со сложными (или аналитическими) формами слов, так как эти формы не представляют собой соединения двух полнозначных слов и обычно входят в систему форм простого слова (*буду говорить, самый удобный, было стыдно, стал учиться* и т. п.). Точно так же нет оснований для отнесения к словосочетаниям современных русских составных числительных (вроде: *пятьсот, пятьюстами* и т. д.), так как в современном русском языке это — особый тип составных имен, изучаемых в морфологии. По тем же причинам не должны войти в круг словосочетаний ни неопределенные сложные местоимения, ни местоименные фразеологические единства, образовавшиеся в результате сращения и слияния частей сложного предложения (например: *неизвестно кто, какой попало, кто угодно, невесть что, бог знает где, неведомо почему, чорт знает что, не приведи бог какой, какой хочешь* и т. п.).

и не теряя своих семантических функций, простое словосочетание может распространяться другими словами по законам данного языка и в осложненном виде выражать новое, еще более расчлененное, конкретизированное, но единое, хотя и сложное значение, например: *спросить о здоровье* — *спросить о здоровье сына* — *взволнованно спросить о здоровье сына*; *спросить с волнением об исходе состязания* — *спросить с глубоким волнением об исходе сегодняшнего состязания* и т. п.

Сложное словосочетание в большинстве случаев является продуктом распространения простого словосочетания. При этом каждое новое слово или словосочетание, присоединяющееся к простому словосочетанию, должно прибавляться не к основному, господствующему слову, а к целому словесному комплексу, например: *близкий друг*, *наш близкий друг*, *близкий друг Пушкина*, *близкий друг всего нашего семейства*; *фарфоровый чайник*, *старинный фарфоровый чайник*, *старинный фарфоровый чайник с художественной росписью* и т. п.

Но есть и другой способ образования сложных словосочетаний — присоединение к господствующему слову не отдельного слова, а целого словосочетания. Именно так входят в сложные словосочетания двусловные словосочетания, функционально сближающиеся с наречиями и выражающие обстоятельственные значения; ср.: *вяло идти* и *идти вялой походкой*; *тихо поздороваться* и *поздороваться тихим голосом* и т. д. На этой основе возникает синонимический параллелизм двусловных и трехсловных словосочетаний.

У глагольных словосочетаний наблюдается соотносительность и параллелизм в формах построения между конструкциями с переходными невозвратными глаголами и между конструкциями с производными от них непереходными возвратными глаголами. Поэтому двусловным словосочетаниям, в которых главным словом является непереходный глагол с аффиксом -ся (например: *баллотироваться в депутаты*, *отправиться на Алтай*, *вовлекаться в работу*, *закутаться в платок* и т. п.), соответствуют трехсловные словосочетания, в основе которых лежит соотносительный переходный глагол (например: *баллотировать стазановца в депутаты*, *отправить бригаду на Алтай*, *вовлекать учеников в работу*, *закутать ребенка в платок* и т. п.).

У переходных глаголов приставочного образования способность распространения двумя существительными сразу иногда бывает заложена в самой грамматической структуре этих глаголов, а также в их семантических свойствах. Так, переходные глаголы со значением конкретного физического действия, имеющие приставку в-, сочетаются с формой винительного падежа прямого объекта и другой формой винительного падежа, которой предшествует предлог в: *вложить патрон в ружье*, *вдеть нитку в иголку*, *воткнуть заступ в землю*, *всадить пулю в стену* и т. п. Эти словосочетания легко распространяются и дательным падежом со значением косвенного объекта действия или творительным орудийным, например: *вложить противнику пулю в лоб*, *вбить молотком гвоздь в стену* и т. д.

Таким образом, сложные словосочетания далеко не всегда являются продуктом соединения целых словосочетаний. Очень часто они образуются путем распространения какого-нибудь слова или словосочетания. Однако широкое взаимодействие и взаимосвязь разных видов словосочетаний ведут к тому, что по типам и образцам простых словосочетаний широко образуются аналогичные типы сложных словосочетаний, например: *фраза о счастье* и *крылатая фраза о мецанском счастье*; *критика теории* и *убийственная критика теории бесконфликтности* и т. д.

Следовательно, правила образования простых словосочетаний, изучение типов простых словосочетаний в живом историческом развитии, пра-

вила составления сложных словосочетаний, изучение развития их основных типов — вот главный предмет теории словосочетания. Принадлежность словосочетания к номинативным средствам языка и к строительному материалу для предложения определяет типичные для того или иного периода в развитии языка границы распространения сложных словосочетаний. Они не могут заходить за пределы так называемых непредикативных сочетаний слов с цельным, хотя и сложным номинативным значением.

Вместе с тем развитие форм и видов словосочетаний происходит в самой тесной связи с развитием разных типов предложения. Как уже отмечалось выше, в центре учения о предложении и его типах лежит категория предикативности со всеми относящимися к ней частными категориями. Эта категория находится за границами теории словосочетания. Тем самым в особую проблему синтаксиса предложения выделяется изучение устойчивых грамматических предикативных конструкций, входящих в структуру разных видов сказуемых, например, конструкций с творительным предикативным, вроде: *делаться сильным, являться незваным, становиться мудрым, спать одетым* и т. д. В этой связи следует заметить, что сочетания глаголов модального и видового значения с инфинитивом в современном русском языке еще не отделились от соответствующего круга словосочетаний, так как им присуща непосредственно номинативная функция, например: *прекратить ссориться* (ср. *прекратить ссору*), *продолжать читать* (ср. *продолжать чтение*), *стремиться победить* (ср. *стремиться к победе*) и т. д., и так как широко развиваются близкие к ним и соотносительные с ними субстантивные словосочетания с инфинитивом (*желание нравиться, стремление открыть, возможность учиться* и т. д.).

4

В состав словосочетаний некоторыми исследователями (например, Й. Рисом, М. Н. Петерсоном, А. М. Пешковским и др.) вводятся разные виды так называемых сочинительных словосочетаний (или «слабых групп слов», «незамкнутых сочетаний», «открытых рядов»). Сюда относятся сочетания слов, не находящихся в грамматической зависимости одно от другого, а объединяемых на основе равноправного «сочинения», вроде: *война и мир; брат и сестра; не мир, но меч; лебедь, рак да щука; униженные и оскорбленные; дешево и сердито; виноват, а не сознается* и т. д.

Легко заметить, что этого типа сочетания слов однородны; их структурные свойства не зависят от грамматических связей между частями речи. В этих сочетаниях слова идут одно за другим, не вступая друг с другом в отношения подчиненности.

Синтаксические связи, выражаемые соединительными, противительными и разделительными союзами в так называемых словесных рядах или сочинительных словосочетаниях, отчасти синонимичны тем связям, которые выражаются соединительной паузой и интонацией перечисления или противопоставления; ср.: *сильные и смелые люди* и *сильные, смелые люди*; *великий, могучий, правдивый и свободный русский язык* (Тургенев) и *великий и могучий русский язык* и т. п.

Разные виды сочинительных сочетаний обычно извлекаются из круга так называемых однородных членов предложения. Например: «Сквозь *невеселую, хотя свежую* улыбку увядающей природы, казалось, прокрадывался унылый страх недалекой зимы» (Тургенев, Свидание); «Он повторил обвинения свои *слабым, но смелым* голосом» (Пушкин, Капитанская дочка); «*Точность и краткость* — вот первые достоинства прозы» (Пуш-

кин, О прозе); *«Кузнечики, сверчки, скрипачи и медведки затаили в траве свою скрипучую, монотонную музыку»* (Чехов, Степь).

В «сочинительных», «незамкнутых» сочетаниях (сочетаниях однотипных единиц) количество параллельно идущих слов может быть, теоретически рассуждая, безгранично: пределы развития или распространения словесной цепи, построенной путем нанизывания однородных членов, в принципе ничем не ограничены.

Те синтаксические отношения, те связи, которые устанавливаются между частями «сочинительного», «однородного словосочетания» (или открытого словесного ряда), в одинаковой мере свойственны и сочетаниям отдельных слов, и сочетаниям групп слов. Например: «Мощный поток грузовых машин устремляется рано утром из гаража. Он растекается *по улицам города, по трактам области, по шоссе*, ведущим в Москву и в районные центры, *по заводам и фабрикам, колхозам и совхозам, станциям и пристаням, заготовительным пунктам, больницам и школам, стройкам, артелям, магазинам, элеваторам, базам и складам»* (Рыбаков, Водители).

«Однородность» слов и словосочетаний всегда связана со структурой предложения; понятие «сочинительных» или «однородных» словосочетаний вырастает на почве смешения словосочетаний и так называемых однородных членов предложения, на почве общего неразграничения словосочетания и предложения. В сущности анализ сочинительных, однородных словосочетаний почти всегда подменяется анализом однородных членов предложения, хотя и с очень своеобразной, больше семантической, чем грамматической, точки зрения.

При широком понимании состава сочинительных словосочетаний утрачивается ясное представление об основных структурных признаках словосочетания. Одноразрядность и одноформенность сочетающихся слов (на что иногда ссылаются как на существенный структурный признак «однородных словосочетаний») очень условна и непостоянна. Кроме того, в аспекте теории словосочетания непонятны принципы и приемы сочинительного сцепления слов, относящихся к разным частям речи, или различных форм одной и той же части речи, например: «Она слушала его *со страхом и жадно*» (Горький, Мать); «Няня повествовала *с пылом, живописно, с увлечением*, местами *вдохновенно*» (Гончаров, Обломов); «*Между окнами и по стенам висело около дюжины крошечных деревянных клеток с жаворонками*» (Тургенев, Пунин и Бабурин).

Однако парные сочетания слов, принадлежащих к одной и той же части речи и соединенных сочинительными (а может быть, также и сопоставительно-отождествительными) союзами, если они, вычленившись из состава предложения, подверглись лексико-семантической стабилизации, довольно широко употребляются в номинативной функции и тем самым раздвигают пределы словосочетаний в сторону так называемых словесных рядов. Сюда относятся сочинительные словосочетания типа *отец и мать* (родители), *день и ночь* (сутки), *муж и жена, униженные и оскорбленные, отцы и дети* и т. п. Но в целом словосочетания, образуемые посредством союзной сочинительной связи, приходится рассматривать как функциональные. Анализ их строя и их употребления в принципе ничем не отличается от анализа однородных членов предложения, имеющих ту же структуру.

5

Само собой разумеется, что при изучении предложений приходится иметь дело не только с законами соединения слов в предложения, но и с законами и правилами использования и соединения словосочетаний при

построении разных типов предложений. Есть такие синтаксические связи между словами, которые целиком определяются структурой предложения. Так, предикативное употребление слова или словосочетания может быть связано с расширением круга синтаксических связей этого слова или словосочетания, с усилением их конструктивных свойств. Например, слова со значением лица, выступая в предложении в функции сказуемого или при предикативном обособлении, могут сочетаться с дательным падежом: «А все-таки, она *ему не сестра*» (Тургенев, Ася); «Полковник наш рожден был хватом: *Слуга царю, отец солдатам*» (Лермонтов, Бородино).

Количественные наречия возможны лишь при тех существительных, которые выступают в роли сказуемого и выражают качественно-оценочные значения: *очень не дрянь, почти портрет, совсем дитя, вовсе глупыш* и т. п.

Существительные, относящиеся к категории лица, в предикативной функции развивают качественные значения и приобретают способность сочетаться с другими словами по типу качественных прилагательных или причастий, например: *формалист до мозга костей* (ср. *испорчен до мозга костей*); *чиновник до глубины души* (ср. *искренний до глубины души*) и т. п. Вместе с тем в составе предложения, на основе форм словосочетаний, иногда с включением союзных сцеплений целых предложений как частей сложной конструкции, могут устанавливаться более широкие и свободные связи между словосочетаниями и частями словосочетаний. Например: «*В первой моей молодости, с той минуты*, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели» (Лермонтов, Бэла).

Таким образом, формами словосочетаний, естественно, не определяются целиком те виды связей между словами, которые устанавливаются в строе предложения. Объясняется это не только тем, что в структуре предложения словосочетания могут быть раздвинуты или расслоены в силу тех или иных стилистических, эмоционально-смысловых заданий. Они могут сливаться или пересекаться друг с другом; они могут подвергаться изменениям, типическим для тех или иных видов распространения и осложнения предложений. Примером могут служить такие строки из стихотворения Некрасова «Родина»:

Воспоминания дней юности, *известных*
Под *громким* именем *роскошных и чудесных*,
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной...

На этой почве у некоторых языковедов возникает тенденция включить в теорию словосочетания все вообще виды и способы парных и более сложных соединений, сочетаний слов, наблюдающиеся в составе предложений. В таком случае в состав словосочетаний должны быть включены не только «предикативные» сочетания слов, однородные конструкции и т. п., но и основные части сложных предложений. С этой точки зрения словосочетание *мысль о гибели друга* вполне эквивалентно сочетанию слов *мысль о том, что друг погиб*.

Однако если видеть в сложном предложении соединение двух или нескольких словосочетаний, то придется признать, что простые предложения, становясь частями сложного предложения, превращаются в словосочетания. Тем самым в теорию словосочетаний включаются не только вопросы о правилах сочетания слов, о формах и типах словосочетаний, но и вопросы о трансформации простых предложений в словосочетания при

построении сложного предложения. Дело усложняется тем, что части сложного предложения, хотя и не имеют самостоятельной интонации сообщения, все же характеризуются наличием строго определенных интонаций, свойственных им как основным структурным элементам сложного предложения. Все это приводит к тому, что понятие словосочетания лишается твердых логических признаков.

Лinguисты, понимающие словосочетание чересчур широко, вынуждены различать описание форм словосочетаний, т. е., в сущности, морфологию словосочетаний, с одной стороны, и синтаксис словосочетаний, с другой. В синтаксис словосочетаний ими включается изучение структуры разных типов предложений во всем разнообразии интонационных схем их построения и со всеми относящимися сюда грамматическими категориями. При таком смещении основных понятий грамматики и основных ее разделов морфологии и синтаксис теряют свои границы и свои очертания, а в самом синтаксисе теория словосочетаний и теория предложения механически накладываются одна на другую.

6

Следует различать четыре основных категории или четыре основных вида правил формирования разных типов словосочетаний.

1. Правила, в которых выражаются свободные синтаксические связи, свойственные отдельным частям речи и обусловленные характером соответствующих грамматических категорий. Таковы, например, связи переходного глагола с формой винительного падежа существительного в роли прямого объекта действия (*косить сено, пилить доски, рубить дрова, мести пол, вытирать пыль, резать хлеб, читать книгу, писать письмо* и т. п.); таково согласование имени прилагательного, порядкового числительного, местоименного прилагательного и причастия в формах числа, рода и падежа с следующим за ним существительным (*серая туча, мокрый песок, первый снег, трескучий мороз* и т. п.); таково сочетание качественного наречия с глаголом (*усердно заниматься, громко петь, ласково ответить, приветливо улыбнуться* и т. д.).

2. Правила, которыми определяются способы построения разнообразных и многочисленных типов словосочетаний, имеющих в качестве «стержневого», главного члена слово, относящееся к любой части речи, с присоединенным к нему посредством предлога «слабоуправляемым» существительным. Относящиеся сюда типы словосочетаний чрезвычайно актуальны и продуктивны. Их отличительной чертой является двусторонняя и довольно свободная предложная связь между сочетающимися элементами.

Характер и особенности строения этих видов словосочетаний определяются не столько грамматическими или семантическими качествами господствующего «стержневого» слова, сколько спецификой выражаемых предлогами отношений между сочетающимися словами; например: *отправиться на курорт, путевка на курорт; погрузиться по пояс, мокрый по пояс, вода по пояс; сыт по горло, наестся по горло; синяки под глазами, синева под глазами, темнеет под глазами, лиловые под глазами круги; толпа у театра, толпится у театра, колонны у театра* и т. д.

Трудно сомневаться в том, что широкое развитие субстантивных и адъективных, а также наречных словосочетаний этого типа происходит под непосредственным влиянием глагольных словосочетаний, а также путем вычленения из предложения все более сложных словосочетаний предложно-именного характера. Ср.: «Георгины и розы в цветнике перед домом были отчетливо видны и казались все одного цвета» (Чехов, Дом с мезони

ном); «Сидела на скамье под яблоней, спустив белый шелковый платок с головы на плечи» (Горький, Жизнь Матвея Кожемякина).

В предложно-именных словосочетаниях обнаруживается явная тенденция к широкому переносу и усиленному развитию глагольных связей у тех существительных, которые по своему значению так или иначе соотносятся с соответствующими глаголами. Этот процесс достигает особенного развития в русском литературном языке XIX и XX веков. Предложно-именные сочетания, первоначально связанные с глаголами и зависевшие от них, с развитием и усложнением грамматического строя языка стали присоединяться непосредственно к именам существительным. [Например: *мандарины, доставленные или привезенные из Грузии — мандарины из Грузии; рамки, сделанные из сосновых шишек — рамки из сосновых шишек* (ср. у Горького в повести «Жизнь Матвея Кожемякина»: «Над постелью, в рамках из сосновых шишек, — две фотографии»). Ср. также: *письмо из Ленинграда, путь из города, «коренные поморы с Севера»* (Федин, Необыкновенное лето); *свет от уличного фонаря, тепло от печки, тропинка от дачи к пруду* и т. п.]

Сочетания существительных с зависящими от них предложными формами других существительных в русском языке все возрастают по числу и многообразию конструкций. Богатство и разнообразие значений предлогов обуславливает широту и разнообразие определительных функций сочетающихся с ними форм косвенных падежей существительных, нередко с яркой примесью обстоятельственных оттенков места, времени, причины и цели.

Наиболее употребительны и разнообразны по значениям конструкции, в которых пояснительные функции выражаются зависимыми существительными в творительном падеже с предлогом *с* и в предложном падеже с предлогом *в*.

В этом кругу словосочетаний, так же, как и в других, роль семантико-лексических категорий в уточнении и дифференциации синтаксических связей между словами очень велика. В этом отношении очень показательны конструкции из имен существительных, сочетающихся при посредстве предлога *с*. Если оставить в стороне словосочетания с главным словом — производным существительным, сохраняющим управление производящего глагола или прилагательного (*бороться с врагами — борьба с врагами; биться с неприятелем — бой с неприятелем; спорить с докладчиком — спор с докладчиком; соотносительный с существительными — соотносительность с существительными* и т. д.), то в субстантивных словосочетаниях этого типа выявляются три ряда отношений: а) отношения определительные (т. е. предмета и сопровождающего признака, содержащего и содержимого), б) отношения совместности и в) отношения объектные (т. е. состояния и предмета, по отношению к которому оно наблюдается или с которым оно связано); например: *девушка с характером, ученый с именем, солдаты с ружьями; отец с сыном, скатерть с салфетками; случай с письмом, история с поездкой, неприятности с деньгами* и т. п. Разграничение разных разрядов словосочетаний в этих случаях почти целиком определяется различиями в характере лексических или семантико-грамматических категорий, к которым относятся сочетающиеся существительные.

Изучение этих продуктивных типов словосочетаний неотделимо от исследования функций предлогов в той сфере синтаксических отношений, которая объединяется под названием «слабого управления». В тесной связи с развитием этих словосочетаний находится расширение форм и способов связи существительных с наречиями. В русском литературном языке со второй половины XIX в. начинает быстро развиваться особый тип словосочетаний, состоящих из существительных конкретно-предмет-

ного значения и употребленных в определительной функции наречий пространственного значения, например: *дверь налево, дыра подмышкой, столы посредине* и т. п. (ср.: *поставить столы посредине; увидеть подмышкой дыру; налево сделать дверь* и т. п.).

3. Правила, которыми определяются в строе словосочетаний связи слов не только грамматически обусловленные, но и семантически ограниченные. Такого рода связи можно было бы, в отличие от свободных синтаксических связей, назвать связями семантически не свободными, а образуемые на основе их словосочетания — словосочетаниями семантически связанными. Эти связи охватывают как слова разных частей речи — в силу общности или соотносительности их значений, — так и частные семантические разряды слов внутри одной и той же части речи.

В самом деле, в очень большом количестве случаев синтаксические связи, лежащие в основе того или иного разряда словосочетаний, осуществляются только по отношению к словам строго определенных семантических разрядов. Например, глаголы мысли, речи, чувства сочетаются с обозначениями предметов, на которые направлены мысль, речь или чувства, при помощи предлога *о* и формы предложного падежа существительного: *спросить о результатах поездки, доложить о ходе дела, говорить об изобретении, мечтать об отдыхе, плакать о сыне, беспокоиться о матери, узнать о победе* и т. п.

Та же форма синтаксической связи присуща отвлеченным именам существительным, произведенным от основ соответствующих глаголов или соотносительным с глаголами и семантически близким к ним. Например: *доклад о международном положении, мечты о возвращении домой, беспокойство, тревога о сыне, весть о победе* и т. п.

В приведенных примерах именные и глагольные словосочетания объединяются — со стороны главного слова — словообразовательно и семантически.

Кроме синтаксической специфики разных частей речи, кроме словообразовательных связей слов, важную роль в группировке словосочетаний, в их классификации и в способах их построения играют и собственно семантические условия. Например, имена существительные, обозначающие эмоциональное отношение, чувство, расположение или нерасположение, сочетаются посредством предлога *к* с формой дательного падежа существительных, обозначающих лицо, предмет или отвлеченное понятие, например: *любовь к отечеству, к семье, к детям; ненависть ко лжи, к врагу; сострадание к несчастному; зависть к таланту, к сопернику; недоверчивость к помощнику; доверие к окружающим; усердие к службе; доброжелательство к людям* и т. п. Это — очень продуктивный, все расширяющийся тип словосочетаний, притягивающий к себе новые виды субстантивных словосочетаний, производные от глаголов эмоционального или волевого отношения или соотносительные с ними, например: *сочувствие к другу* (ср. *сочувствовать другу*), *интерес к делу* (ср. *интересоваться делом*) и т. п.

Некоторые глаголы этой семантической группы управляют формой винительного падежа прямого объекта или дательного падежа без предлога: *любить родителей, почитать своего учителя* (ср. *почтение к учителю*), *ненавидеть ложь, презирать трусость, завидовать сопернику, доверять друзьям, доброжелательствовать окружающим* и т. п.

Для характеристики развития этого типа словосочетаний в качестве иллюстрации можно указать на исторические изменения в синтаксических связях слова *отвращение*. У Пушкина — наряду с конструкцией *отвращение к кому-чему* — мы находим *отвращение от кого-чего*, например, в «Арапе Петра Великого»: «Отец ее, несмотря на *отвращение* свое от всего заморского, не мог противиться ее желанию учиться пляскам не-

мецким у пленного шведского офицера»; «Нет,— ответил Ибрагим,— я женюсь, конечно, не по страсти, но по соображению, и то, если она не имеет *от меня* решительного *отвращения*». В академическом «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. при толковании слова *отвращение* приводится такой пример: «иметь отвращение от пищи». Следовательно, в 40-е годы XIX в. в русском литературном языке господствующим еще было сочетание слова *отвращение* с предлогом *от* и формой родительного падежа существительного. Но с середины XIX в. положение меняется. Любопытны относящиеся к 60—70-м годам заметки Я. К. Грота в защиту конструкции *отвращение к кому-чему*⁸: «Разве чувство, будет ли оно положительное, или отрицательное, может иметь какое-либо иное отношение, кроме *к* чему-нибудь? Разве можно что-нибудь чувствовать *от* лица или *от* предмета в том смысле, о каком здесь речь идет? Отвращение есть такое же чувство, как и любовь или влечение, и непременно должно быть *к* кому или *к* чему-нибудь. Когда мы говорим: я имею отвращение, то разумею: чувство отвращения,— тут явное отношение одного предмета или существа к другому: для показания этого отношения предлог *к* необходим». Круг существительных, обозначающих отношения и сочетающихся с другими словами посредством предлога *к* и дательного падежа, все растет (ср. *привязанность к кому-чему-нибудь*, *жестокость к кому-чему-нибудь*, *нежность к кому-нибудь*, *чувство к кому-нибудь* и т. д.).

Естественно, что к этому продуктивному типу субстантивных словосочетаний притягиваются семантически близкие словосочетания адъективного характера, т. е. образуемые прилагательными; например: *добрый, чувствительный, строгий, равнодушный, предупредительный, ровный, ревнивый, безучастный, расположенный к кому-нибудь* и т. п., а также *склонный, способный, готовый, пригодный к чему-нибудь* и т. п. Производные от этих прилагательных или соотносительные с ними существительные имеют ту же конструкцию с предлогом *к* (*готовность к чему-нибудь, безучастие к кому-чему-нибудь, равнодушие к кому-чему-нибудь* и т. п.).

Гораздо сложнее обстоит дело с глаголами. Далеко не все глаголы, от которых произведены или с которыми связываются существительные, обладающие этой формой сочетаемости, имеют то же синтаксическое свойство. Ср.: *стремиться к кому-чему-нибудь* — *стремление к кому-чему-нибудь*; *тяготеть к кому-чему-нибудь* — *тяготение к кому-чему-нибудь*; *влечься к кому-чему-нибудь* — *влечение к кому-чему-нибудь* и т. п., но: *пренебрегать кем-чем-нибудь* — *пренебрежение к кому-чему-нибудь*; *презирать кого-что* — *презрение к кому-чему-нибудь*; *симпатизировать кому-нибудь* — *симпатия к кому-нибудь* и т. п.

Взаимодействие, взаимозависимость лексических значений слов и их синтаксических связей в формах словосочетания, роль семантических групп слов в образовании разрядов словосочетаний привлекли к себе интерес наших отечественных авторов грамматик и составителей словарей еще в XVIII в. Но на широкую принципиальную основу этот вопрос был впервые поставлен проф. Н. М. Кошанским в работе «О русском синтаксисе» в 1819 г. («Труды Общества любителей российской словесности при Императорском Московском университете», ч. XV, М., 1819, стр. 86—118).

Особенно много внимания и кропотливого труда посвятил описанию семантически или лексически связанных, несвободных способов сочетания слов А. Х. Востоков в своей «Русской грамматике» (1831 г.). Он тщательно разработал вопрос о предложном и беспредложном употреблении зависимых форм косвенных падежей существительных (а также предметно-личных местоимений и субстантивированных прилагательных и причастий) при именах, глаголах и других словах. А. Х. Востоков внимательно следил за взаимодействием лексических значений и синтаксических связей слов в формах словосочетаний. Он стремился уяснить роль лексических значений в структуре

⁸ Заметки эти хранятся в Архиве Академии наук СССР.

семантически связанных, лексически ограниченных типов словосочетаний. В «Русской грамматике» он выделяет и разграничивает разнообразные семантические категории слов, связанные с теми или иными формами управления (и отчасти примыкания — по отношению к сочетаниям с зависимым инфинитивом имен существительных, прилагательных и глаголов). Иногда А. Х. Востоков дает подробные перечни глаголов и имен, входящих в строго замкнутые семантические разряды и управляющих формами имен существительных в определенном падеже.

Собранные А. Х. Востоковым материалы, относящиеся к характеристике семантически или лексически ограниченных, связанных словосочетаний, позволяют судить о некоторых из тех изменений, которые произошли с пушкинской поры в составе отдельных разрядов словосочетаний. Например, А. Х. Востоков указывал на то, что в русском литературном языке предлог *до* «служит в помощь» прилагательным *добр, ласков, строг, крут, охоч, лаком, жаден* и существительному *охотник* (т. е. «любитель чего-либо»), например: *добр, строг до подчиненных, жаден до новостей, охотник до чтения*. В современном русском языке почти все соответствующие слова (кроме *охотник до чего-нибудь* и — в просторечии — *лаком, жаден до чего-нибудь*) подверглись влиянию более сильного разряда словосочетаний типа *склонен к чему-нибудь, строго относиться к кому-нибудь* и т. п.; ср.: *крутой и ласковый с кем-нибудь и к кому-нибудь, строгий к кому-нибудь, жадный к чему-нибудь, добрый к кому-нибудь* и т. п.

Таким образом, анализ типов или разновидностей семантически обусловленных, связанных словосочетаний невозможен без определения и выделения семантических разрядов слов, имеющих однотипную конструкцию и нередко принадлежащих к разным частям речи.

Точно так же связаны с строго определенными семантическими группами слов, принадлежащими к разным частям речи — глаголу, имени существительному, прилагательному и категории состояния, — словосочетания с инфинитивом. Все они обладают общими семантическими качествами, обуславливающими сочетаемость их господствующих слов с инфинитивом. Общее для них значение — значение модального характера, возможности, желательности, необходимости, позволения, побуждения, уменья и т. п., например: *готовый помочь, готовность помочь, готовиться помочь; способный понять, способность понять; возможность учиться* и т. п.

В русском языке особенно богаты и разнообразны типы глагольных словосочетаний, т. е. таких словосочетаний, в которых стержневым, главным или управляющим словом является глагол. Разнообразие грамматических форм сочетающихся слов, виды взаимодействий свободных синтаксических связей с семантическими ограничениями словесных сцеплений здесь очень богаты и выразительны. Определенные семантические разряды глаголов, связанных с тем или иным видом синтаксической сочетаемости, оказывают влияние не только на производные от них или по смыслу близкие к ним имена существительные, но и на прилагательные.

Влияние глагольных словосочетаний на развитие близких по смыслу словосочетаний, главным, господствующим словом которых является имя прилагательное, особенно заметно усиливается в русском литературном языке с середины XVIII в. Именно в результате этого влияния возникли словосочетания, образуемые такими именами прилагательными, которые или по своему значению, морфологическому, словообразовательному составу соотносительны с глаголами и повторяют конструкцию соответствующего глагола, или приближаются к образцам глагольных словосочетаний в силу близости выражаемых ими семантических отношений. Например: *гордый победой* (ср. *гордиться победой*), *похожий на отца* (*походить на отца*), *свободный от налогов* (*освободить от налогов*), *годный к работе* (*годиться для работы и к работе*) и т. д.

Семантические разряды слов, образующих главный, господствующий член словосочетания и обуславливающих форму зависимого слова, могут быть разной степени широты, разного объема. Так, немногочисленные непереходные (обычно с аффиксом *-ся*) глаголы внутреннего состояния,

эмоционального и волевого переживания сочетаются с предлогом *на* и формой винительного падежа существительного, обозначающего лицо или предмет, вызывающий соответствующее состояние, переживание, эмоциональное действие. Это — глаголы *гневаться, разгневаться* (на кого-нибудь), *сердиться, рассердиться* (на кого-нибудь) (ср. *пенять* на кого-что-нибудь), *жаловаться* (на кого-что-нибудь), *плакаться* (на что-нибудь), *надеяться* (на кого-что-нибудь) (ср. *возложить надежду* на кого-что-нибудь), *согласиться* (на что-нибудь), *решиться, осмелиться* (на что-нибудь) и некоторые другие.

Естественно, что та же конструкция свойственна и части имен существительных, соотносительных с этими глаголами, если их значения не разошлись далеко и резко. Например: *надежда на помощь, жалоба на мужу, согласие на участие в работе* и т. п.

Словосочетания, состоящие из глаголов со значением горестного чувства, внутреннего состояния и формы имени существительного в предложном падеже единственного числа с предлогом *по* и в дательном падеже множественного числа с тем же предлогом, совсем единичны: *грустить, тосковать, скучать, вздыхать, убиваться, рыдать по ком-нибудь* (ср. *грусть, тоска, вздох* или *вздыхания по ком-нибудь*).

Очень немногочисленна по своему составу группа глаголов с общим значением прикосновения к какому-нибудь предмету, сцепления с ним: *брать, братья, взять, взяться, держать, держаться, дергать, дернуть, схватить, схватиться, трогать, тронуть, тянуть, цепляться, уцепить, уцепиться, хватать* и некоторые другие. Соответственно ограничены определенными лексическими разрядами словосочетания типа *держаться за перила, уцепиться за ветку, ухватиться за веревку, дернуть за кольцо* и т. п.

Эта обусловленность отдельных видов словосочетаний семантическими своеобразиями национального языка особенно ярко выступает при сравнении соответствующих синтаксических конструкций русского языка с однородными элементами родственных языков, например украинского: *підступати до чого — подступать, приближатися к чому, дбати про що — заботиться о чем; заздрити до кого — зависть к кому-чему* и т. д.

4. Правила, которыми определяется структура непродуктивных лексически связанных словосочетаний. Такого рода словосочетания часто включают в себя в качестве стержневых слова семантически очень далекие, но объединяемые общим признаком обязательности именно данного синтаксического способа раскрытия их лексического значения. Например, глагол *участвовать* как бы уже включает в свое лексическое значение («принять участие в ком-чем-нибудь») «потребность» раскрытия объекта при помощи предлога *в* и формы предложного падежа имени существительного (*участвовать в конференции, в работе, в подготовке проекта* и т. п.).

Та же конструкция типична для таких семантически разнородных групп непереходных глаголов, как, например:

- а) *состоять в чем-нибудь, проявляться в чем-нибудь;*
- б) *разочаровываться в ком-чем-нибудь, обманываться в ком-чем-нибудь; сомневаться в ком-чем-нибудь, отчаиваться в чем-нибудь;*
- в) *нуждаться в ком-чем-нибудь;*
- г) *убеждаться, уверяться в чем-нибудь; сознаваться, признаваться в чем-нибудь;*
- д) *разобраться в чем-нибудь;*
- е) *теряться в чем-нибудь, растворяться в чем-нибудь.*

Понятно, что соответствующие некоторым из этих слов переходные глаголы (без-ся) и их лексические синонимы образуют словосочетания по

крайней мере трехсловные — с однотипной конструкцией: *уверять приятеля в дружбе, убеждать всех в своей правоте, упрекать собеседника в неискренности, обвинять мальчика во лжи, подозревать кого-нибудь в чем-нибудь; ср. признавать, ценить что-нибудь в ком-нибудь, презирать в ком-нибудь что-нибудь.*

Точно так же лексически ограничены трехсловные сочетания, состоящие из переходного глагола, формы винительного падежа существительного, которое обозначает предмет, подвергающийся действию, и вводимой посредством предлога *в* формы винительного падежа другого существительного, которое обозначает то, что получилось или получается в результате этого действия (*превратить пустыню в сад*). Круг глаголов, связанных с этой синтаксической конструкцией, в современном русском языке очень тесен, но семантические группы входящих в него слов разнородны, почти полярны. Это, с одной стороны, отвлеченные глаголы: *превратить* (*превратить овраг в пруд*), *преобразовать*, *претворить*, *переоборудовать*, *переделать* (*переделать роман в пьесу*) и др.; с другой стороны, это глаголы конкретного действия: *разбить* (*разбить чашку в черепки*), *изорвать*, *разорвать* (*разорвать платье в клочья*), *истолочь* (*истолочь кусок сахара в порошок*), *растереть* и др.

В сущности, этими четырьмя видами правил исчерпываются главные способы построения форм и типов словосочетаний в современном русском языке. Отдельно должны быть рассмотрены правила, которыми охватываются фразеологически замкнутые связи. Этого рода связи ограничены не столько способами лексического распространения значения того или иного слова, сколько семантически замкнутыми синтаксико-фразеологическими схемами построения устойчивых оборотов. Например: *с минуты на минуту, с часу на час, с секунды на секунду; лицом к лицу, носом к носу; плечом к плечу; изо всех сил, изо всей мочи* и т. п. Сюда же примыкают единичные словосочетания типа *охотник до журнальной драки, лаком до чего-нибудь; верить во что-нибудь* (*в себя, в судьбу*), *уродиться в кого-нибудь* и т. п.

Говоря о видах синтаксических связей, охватываемых правилами построения разных типов словосочетаний, нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что разные виды этих связей отличаются друг от друга не только степенью отвлеченности, степенью абстракции и — соответственно — объемом охвата категорий, групп слов, но и степенью устойчивости или изменчивости, степенью продуктивности.

Естественно, что связи фразеологически замкнутые непродуктивны. Они не типичны для живой системы современного словосочетания. Точно так же пополняются лишь отдельными, немногочисленными синонимическими образованиями группы словосочетаний, лексически связанных или семантически узких. Обычно пополнение это происходит путем притягивания к таким словосочетаниям слов, синонимичных с теми или иными семантическими звеньями этих словосочетаний (например: *ориентироваться в чем-нибудь* по образцу *разбираться в чем-нибудь, иронизировать над кем-чем-нибудь* по типу *издеваться, насмехаться над чем-нибудь* и т. п.).

Само собой разумеется, что особенно устойчивы как продуктивные синтаксические типы словосочетания свободные, подчиненные общим синтаксическим категориям русского языка, основным законам его грамматического строя.

Пополнение соответствующих грамматических разрядов или категорий слов равнозначно увеличению объема образуемых на их базе типов словосочетаний. Так, образование или усвоение нового слова, относящегося к категории имен существительных, неразрывно связано с возникновением на основе этого слова субстантивных словосочетаний продуктивных

типов. Например, с образованием слова *скоростник* закономерно и естественно появились словосочетания *скоростник по кладке кирпичей, известный скоростник* и т. п. Образование нового глагола с переходным значением ведет к пополнению глагольных словосочетаний с винительным падежом прямого объекта (например: *заснять горы, водопады Карелии* и т. п.). Точно так же все увеличиваются в объеме — и одновременно в многообразии своих вариаций и разновидностей — типы словосочетаний с так называемыми слабоуправляемыми предложными конструкциями. Быть может, в их развитии и заключается одна из основных тенденций совершенствования грамматического строя русского языка в области словосочетаний (ср.: *мобилизация коллектива на выполнение производственного плана, массовое движение передовиков за вскрытие производственных резервов, соревнование за полное выявление и пуск в действие резервов на каждом рабочем месте* и т. п. Из газет).

Устойчивы также главные виды семантически связанных или ограниченных словосочетаний. Они широко пополняются однотипными словосочетаниями, возникающими на базе слов, которые вовлекаются в соответствующий семантический разряд или в соответствующую семантическую группу. Так, тип субстантивных словосочетаний, в основе которых лежит имя существительное с отвлеченным значением эмоционального или волевого отношения, сочетающееся с дательным падежом другого существительного посредством предлога *к*, как уже было сказано, сильнее и шире соотносительных глагольных словосочетаний. Ср., например: *завидовать кому-чему-нибудь — зависть к кому-чему-нибудь; сочувствовать кому-чему-нибудь — сочувствие к кому-чему-нибудь; уважать, почитать, любить, ненавидеть кого-что-нибудь — уважение, почтение, любовь, ненависть к кому-чему-нибудь; пренебрегать кем-чем-нибудь — пренебрежение к кому-чему-нибудь; интерес к кому-чему-нибудь, требовательность к кому-чему-нибудь, чуткость к кому-чему-нибудь* и т. п.

Понятно, что в эту категорию словосочетаний вовлекаются и другие семантически близкие слова, например: *симпатия к кому-чему-нибудь* — словосочетание, заменившее собою прежнее — *симпатия с кем-нибудь*. Так же пополняются и другие продуктивные типы словосочетаний, например: *действовать, подействовать на кого-что-нибудь* образовалось из *действовать — подействовать над кем-чем-нибудь* (ср. *оказать свое действие над кем-чем-нибудь*).

На основе словосочетаний типа *ехать в Киев, путешествие в Африку, поездка в Бахчисарай* и т. п. развиваются однородные синтаксические связи у существительных с предметным и отвлеченным значением, способных передавать оттенки значения направления, движения, протяженности, типа: *дорога в Казань, путь в Дамаск, дверь в комнату, окно в сад* и т. п. Вообще семантические связи слов оказывают очень большое влияние на распространение того или иного типа словосочетаний, на взаимодействие и контаминацию именных и глагольных словосочетаний.

Изучение правил образования словосочетаний, правил производства именных словосочетаний от глагольных, правил взаимодействия и контаминации разных типов словосочетаний, тенденций формирования их новых видов в структуре предложения, правил использования словосочетаний при построении разных типов предложений — основные задачи изучения о словосочетании.

Разные типы словосочетаний, установленные на основе разграничения частей речи и различных способов их синтаксической связи, находятся между собой в непрестанном и живом взаимодействии, во взаимосвязи.

В общественной практике пользования языком как средством общения это взаимодействие, естественно, охватывает как грамматическую сторону, так и лексический состав и семантику словосочетаний (ср. хотя бы контаминацию словосочетаний *играть роль* и *иметь значение*). Эта взаимосвязь словосочетаний идет по разным направлениям: и по линии словообразовательных соотношений (ср. *махать рукой* и *взмах рукой*, *зависеть от кого-чего-нибудь* и *зависимость от кого-чего-нибудь*, *писать отцу* и *письмо отцу* и т. п.), и по линии смысловых связей (*смотреть на реку* и *вид на реку*), и по линии синонимических функций грамматических форм и предложных конструкций (*разговоры о поездке*, *разговоры относительно поездки*, *разговоры про поездку*, *разговоры насчет поездки* и т. п.), и по линии синтаксических отношений. Словосочетания в живом языке образуют активную и изменчивую систему разных типов и разновидностей, постоянно влияющих друг на друга. Семантическая, в том числе и синонимическая связь слов, принадлежность их к однородным или близким смысловым группам ведет к развитию синонимии разных форм и типов словосочетаний (например: *меры, направленные к улучшению продукции* и *меры, направленные на улучшение продукции*, *меры для устранения недостатков* и *меры к устранению недостатков*, *разговор о важных вопросах* и *разговор по важным вопросам*, *требовательность к чему-нибудь* и *требовательность в чем-нибудь* и т. п.). Синтаксические отношения внутри отдельных категорий словосочетаний (опредетельно-именных, определительно-глагольных, обстоятельно-глагольных и т. п.) обобщаются; соответствующие обобщения отчасти служат основанием для схематической характеристики функций слов в качестве членов предложения.

Так, например, функциональная связь и синонимическая соотносительность лежат в основе объединения всех тех синтаксических отношений, которые создаются сочетанием существительных с определительными словами в широком смысле этого термина. Достаточно вникнуть в синонимический параллелизм таких словосочетаний: *голубоглазый ребенок* — *ребенок с голубыми глазами*; *двадцатизатяжной дом* — *дом в двадцать этажей*; *книжная полка* — *полка для книг*; *флотская служба* — *служба во флоте*; *высококачественная шерсть* — *шерсть высокого качества*; *охотничьи рассказы* — *рассказы охотников*; *железная крыша* — *крыша из железа*; *смазочное масло* — *масло для смазки*; *январский день* — *день в январе*, *день января*; *медвежья шуба* — *шуба из шкуры медведя*; *стерляжья уха* — *уха из стерлядей*; *высококвалифицированный специалист* — *специалист высокой квалификации*; *капиталистические страны* — *страны капитализма*; *мирная политика* — *политика мира* и многие другие.

Но дело не ограничивается одним кругом синонимических параллелей. С согласуемыми определительными словосочетаниями функционально сближаются и другие виды определительных пояснений и раскрытий существительных, включающие в себя не только разные падежные формы существительного с предлогом и без предлога, но и инфинитив, наречие и др. Кроме того, в сложных видах словосочетаний (а также в строе распространенных предложений) возможны самые разнообразные комбинации определительных слов, например: *осеннее пальто коричневого цвета*; *зимнее пальто из мохнатой материи*; *охотничья снасть самого лучшего качества*; *двигатель последней конструкции*; *собачка английской породы*; *хлеб домашней выпечки*; *яйца всмятку*; *соседи справа и слева*; *страсть декламировать*; *привычка противоречить*; *люди с орлиным сердцем*; *кто-то в белом* и т. п. Определительное распространение предметного имени возможно также при помощи форм имен существительных в родительном и творительном падеже без предлога (*человек чести*, *борода*

лопатой) и форм родительного падежа личных местоимений в притяжательном значении (*его книга*).

Само собой разумеется, что развитие определительных отношений в системе словосочетаний связано с ростом и дифференциацией смысловых оттенков в соответствующем кругу синтаксических объединений. Присоединение к имени несогласуемых форм, как один из видов выражения определительных отношений, представляет собой живой, продуктивный, все расширяющийся и обогащающийся способ синтаксического сочетания слов. Тут к определительным значениям нередко применяются своеобразные оттенки обстоятельственной характеристики путем указания на пространственное положение предмета, на его отношение ко времени, на причины его возникновения, на целевое назначение и т. п. (ср.: *дача на реке, дом на пригорке, пальто до пят, дверь на террасу, цветник перед домом, окно в стене, обморок от волнения, жестянка из-под керосина, лес для постройки сарая, вагон для детей, токарь по металлу, шаги по ступенькам лестницы*).

Однородные объединительные и обобщающие тенденции можно проследить и в кругу глагольных словосочетаний, включающих в себя наречия или формы косвенных падежей имен существительных в обстоятельном значении (обычно с предлогами), например: *безумно любить* и *любить до безумия*; *бесцельно слоняться* и *слоняться без цели* и т. д.

Так создается база для сведения всего многообразия форм синтаксической связи в системе словосочетаний к немногочисленным категориям «членов предложения».